

Абрахам Маслоу МОТИВАЦИЯ И ЛИЧНОСТЬ

Перевод А.М.Татлыбаевой

Глава 6. ИНСТИНКТОПОДОБНАЯ ПРИРОДА БАЗОВЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ ТЕОРИЯ ИНСТИНКТОВ

Необходимость пересмотра теории инстинктов

Теория базовых потребностей, о которой мы говорили в предыдущих главах, настоятельно требует пересмотра теории инстинктов. Это необходимо хотя бы для того, чтобы иметь возможность дифференцировать инстинкты на более базовые и менее базовые, более здоровые и менее здоровые, более естественные и менее естественные. Более того, наша теория базовых потребностей, как и другие аналогичные теории (353, 160), неизбежно поднимает ряд проблем и вопросов, которые требуют немедленного рассмотрения и уточнения. В их ряду, например, необходимость отказа от принципа культурной относительности, решение вопроса о конституциональной обусловленности ценностей, необходимость ограничения юрисдикции ассоциативно-инструментального научения и т.п.

Имеются и другие соображения, теоретические, клинические и экспериментальные, которые подталкивают нас к переоценке отдельных положений теории инстинктов, а, быть может, даже к ее полному пересмотру. Эти же соображения заставляют меня скептически отнестись ко мнению, особенно широко распространившемуся в последнее время в среде психологов, социологов и антропологов. Я говорю здесь о незаслуженно высокой оценке таких личностных черт, как пластичность, гибкость и адаптивность, о преувеличенном внимании к способности к научению. Мне представляется, что человек гораздо более автономен, гораздо более самоуправляем, нежели предполагает за ним современная психология, и это мое мнение базируется на следующих теоретических и экспериментальных соображениях:

Концепция гомеостаза Кэннона (78), инстинкт смерти Фрейда (138) и т.п.;

Эксперименты по изучению аппетита, пищевых предпочтений и гастрономических вкусов (492, 491);

Эксперименты Леви по изучению инстинктов (264-269), а также его исследование материнской сверх-опеки (263) и аффективного голода;

Обнаруженные психоаналитиками пагубные последствия раннего отлучения ребенка от груди и настойчивого привития навыков туалета;

Наблюдения, заставившие многих педагогов, воспитателей и детских психологов-практиков признать необходимость предоставления ребенку большей свободы выбора;

Концепция, лежащая в основе роджерсовской терапии;

Многочисленные неврологические и биологические данные, приводимые сторонниками теорий витализма (112) и эмерджентной эволюции (46), современными эмбриологами (435) и такими холистами как Гольдштейн (160), – данные о случаях спонтанного восстановления организма после полученной травмы.

Эти и ряд других исследований, которые я буду цитировать далее, укрепляют мое мнение о том, что организм обладает гораздо большим запасом прочности, гораздо большей способностью к самозащите, саморазвитию и самоуправлению, чем нам казалось до сих пор. Кроме того, результаты последних исследований еще раз убеждают нас в теоретической необходимости постулирования некой позитивной тенденции к росту или к самоактуализации, заложенной в самом организме, тенденции, в корне отличной от уравнивающих, консервационных процессов гомеостаза и от реакций на внешние воздействия. Многие мыслители и философы, в числе которых столь разные, как Аристотель и Бергсон, в той или иной форме, с большей или меньшей прямотой уже предпринимали попытки постулировать эту тенденцию, тенденцию к росту или к самоактуализации. О ней говорили и психиатры, и психоаналитики, и психологи. О ней рассуждали Гольдштейн и Бюлер, Юнг и Хорни, Фромм, Роджерс и многие другие ученые.

Однако самым весомым аргументом в пользу необходимости обращения к теории инстинктов служит, наверное, опыт психотерапии и особенно опыт психоанализа. Факты, которые предстают перед психоаналитиком, неумолимы, хотя и не всегда очевидны; перед психоаналитиком всегда стоит задача дифференциации желаний (потребностей, импульсов) пациента, проблема отнесения их к разряду более базовых или менее базовых. Он постоянно сталкивается с одним очевидным фактом: фрустрация одних потребностей приводит к патологии, тогда как фрустрация других не вызывает патологических последствий. Или: удовлетворение одних потребностей повышает здоровье индивидуума, а удовлетворение других не вызывает такого эффекта. Психоаналитик знает, что есть потребности ужасно упрямые и своевольные. С ними не удастся сладить уговорами, задабриваниями, наказаниями, ограничениями; они не допускают альтернативы, каждую из них может удовлетворить только один-единственный, внутренне соответствующий ей "удовлетворитель". Эти потребности крайне требовательны, они заставляют индивидуума осознанно и неосознанно искать возможности для их удовлетворения. Каждая из таких потребностей предстает перед человеком как упрямый, непреодолимый, не поддающийся логическому объяснению факт; факт, который нужно воспринимать как данность, как точку отсчета. Весьма показательно, что практически все существующие

течения психиатрии, психоанализа, клинической психологии, социальной и детской терапии, несмотря на принципиальные расхождения по многим вопросам, вынуждены сформулировать ту или иную концепцию инстинктоподобия потребностей.

Опыт психотерапии заставляет нас обратиться к видовым характеристикам человека, к его конституции и наследственности, вынуждает отказаться от рассмотрения его внешних, поверхностных, инструментальных привычек и навыков. Всякий раз, когда терапевт сталкивается с этой дилеммой, он отдает предпочтение анализу инстинктивных, а не условных, реакций индивидуума, и именно этот выбор служит базовой платформой психотерапии. Столь насущная необходимость в выборе вызывает сожаление, потому что, и мы еще вернемся к обсуждению этого вопроса, существуют иные, промежуточные и более важные, альтернативы, предоставляющие нам большую свободу выбора; одним словом, дилемма, упомянутая здесь, – не единственно возможная.

И все же сегодня уже очевидно, что теория инстинктов, особенно в тех формах, в каких она представлена Мак-Дугаллом и Фрейдом, нуждается в пересмотре в соответствии с новыми требованиями, выдвигаемыми динамическим подходом. Теория инстинктов, бесспорно, содержит ряд важных положений, пока не оцененных должным образом, но в то же время явная ошибочность ее основных положений затмевает достоинства других. Теория инстинктов видит в человеке самодвижущуюся систему, она основывается на том, что человеческое поведение детерминировано не только внешними, средовыми факторами, но и собственной природой человека; она утверждает, что в человеческой природе заложена готовая система конечных целей и ценностей и что при наличии благоприятных средовых воздействий человек стремится избежать болезни, а следовательно желает именно того, в чем действительно нуждается (что хорошо для него). Теория инстинктов опирается на то, что все люди составляют единый биологический вид, и утверждает, что поведение человека обусловлено теми или иными мотивами и целями, присущими виду в целом; она обращает наше внимание на тот факт, что в экстремальных условиях, когда организм всецело предоставлен самому себе, своим внутренним резервам, он проявляет чудеса биологической эффективности и мудрости, и факты эти еще ждут своих исследователей.

Ошибки теории инстинктов

Считаю необходимым сразу же подчеркнуть, что многие ошибки теории инстинктов, даже самые возмутительные и заслуживающие резкого отпора, ни в коем случае не неизбежны или внутренне присущи данной теории как таковой, что эти заблуждения разделялись не только последователями теории инстинктов, но и ее критиками.

Наиболее вопиющие ошибки теории инстинктов – ошибки семантические и логические. Инстинктивистов вполне заслуженно обвиняют в том, что они изобретают инстинкты ad hoc, прибегают к понятию инстинкта всякий раз, когда не могут объяснить конкретное поведение или определить его истоки. Но мы, зная об этой ошибке, будучи предупреждены о ней, конечно же, сумеем избежать гипостазирования, то есть смешения факта с термином, не станем строить шаткие силлогизмы. Мы гораздо

искушеннее в семантике, нежели инстинктивисты.

Сегодня мы обладаем новыми данными, предоставленными нам этнологией, социологией и генетикой, и они позволят нам избежать не только этно- и классовоцентризма, но и упрощенного социального дарвинизма, которым грешили ранние инстинктивисты и который заводил их в тупик.

Теперь мы можем понять, что неприятие, которое встретила в научных кругах этнологическая наивность инстинктивистов, было излишне радикальным, излишне горячим. В результате мы получили другую крайность – теорию культурного релятивизма. Эта теория, широко распространенная и пользовавшаяся большим влиянием в последние два десятилетия, сейчас подвергается жесткой критике (148). Несомненно, пришла пора вновь направить наши усилия на поиск межкультурных, общевидовых характеристик, как это делали инстинктивисты, и мне думается, что мы сумеем избежать как этноцентризма, так и гипертрофированного культурного релятивизма. Так, например, мне кажется очевидным, что инструментальное поведение (средство) детерминировано культуральными факторами в гораздо большей степени, чем базовые потребности (цели).

Большинство анти-инстинктивистов 20-30-х годов, такие, например, как Бернارد, Уотсон, Куо и другие, критикуя теорию инстинктов, говорили главным образом о том, что инстинкты нельзя описать в терминах отдельных реакций, вызванных специфическими раздражителями. В сущности, они обвиняли инстинктивистов в приверженности бихевиористскому подходу, и в целом они были правы, – инстинкты действительно не укладываются в упрощенную схему бихевиоризма. Однако сегодня такая критика уже не может считаться удовлетворительной, потому что сегодня и динамическая, и гуманистическая психология исходят из того, что никакая мало-мальски значимая, целостная характеристика человека, никакая целостная форма активности не может быть определена только в терминах "стимул-реакция".

Если мы утверждаем, что любой феномен нужно анализировать в его цельности, то это еще не означает, что мы призываем игнорировать свойства его компонентов. Мы не против того, чтобы рассматривать рефлекс, например, в контексте классических животных инстинктов. Но при этом мы понимаем, что рефлекс – это исключительно моторный акт, инстинкт же помимо моторного акта включает в себя биологически детерминированный импульс, экспрессивное поведение, функциональное поведение, объект-цель и аффект.

Даже с точки зрения формальной логики я не могу объяснить, почему мы должны постоянно делать выбор между абсолютным инстинктом, инстинктом, завершенным во всех его компонентах, и не-инстинктом. Почему бы нам ни говорить об остаточных инстинктах, об инстинктоподобных аспектах влечения, импульса, поведения, о степени инстинктоподобия, о парциальных инстинктах?

Очень многие авторы бездумно употребляли термин "инстинкт", используя его для описания потребностей, целей, способностей, поведения, восприятия, экспрессивных

актов, ценностей, эмоций как таковых и сложных комплексов этих явлений. В результате это понятие практически утратило смысл; практически любую из известных нам человеческих реакций, как справедливо отмечают Мармор (289) и Бернارد (47), тот или иной автор может отнести к разряду инстинктивных.

Основная наша гипотеза состоит в том, что из всех психологических составляющих человеческого поведения только мотивы или базовые потребности могут считаться врожденными или биологически обусловленными (если не всецело, то хотя бы в определенной степени). Само же поведение, способности, когнитивные и аффективные потребности, по нашему мнению, не имеют биологической обусловленности, эти явления есть либо продуктом научения, либо способом выражения базовых потребностей. (Разумеется, многие из присущих человеку способностей, например, цветовое зрение, в значительной степени детерминированы или опосредованы наследственностью, но сейчас речь не о них). Другими словами, в базовой потребности есть некий наследственный компонент, который мы будем понимать как своеобразную конативную нужду, не связанную с внутренним, целеполагающим поведением, или как слепой, нецеленаправленный позыв, вроде фрейдовских импульсов Ид. (Ниже мы покажем, что источники удовлетворения этих потребностей также имеют биологически обусловленный, врожденный характер.) Поведение целенаправленное (или функциональное) возникает в результате научения.

Сторонники теории инстинктов и их оппоненты мыслят в категориях "все или ничего", они рассуждают только об инстинктах и не-инстинктах, вместо того, чтобы задуматься о той или иной мере инстинктивности того или иного психологического феномена, и в этом состоит их главная ошибка. И в самом деле, разумно ли предполагать, что весь самый сложный набор человеческих реакций всецело детерминирован одной лишь наследственностью или вовсе не детерминирован ею? Ни одна из структур, лежащих в основе сколько-нибудь целостных реакций, даже самая простая структура, лежащая в основе сколько-нибудь целостной реакции, не может быть детерминирована только генетически. Даже цветной горошек, эксперименты над которым позволили Менделю сформулировать знаменитые законы распределения наследственных факторов, нуждается в кислороде, воде и подкормке. Если уж на то пошло, то и сами гены существуют не в безвоздушном пространстве, а в окружении других генов.

С другой стороны совершенно очевидно, что никакая из человеческих характеристик не может быть абсолютно свободной от влияния наследственности, потому что человек – дитя природы. Наследственность выступает предпосылкой всего человеческого поведения, каждого поступка человека и каждой его способности, то есть, что бы ни сделал человек, он может это сделать только потому, что он – человек, что он принадлежит к виду *Homo*, потому что он сын своих родителей.

Столь несостоятельная с научной точки зрения дихотомия повлекла за собой ряд неприятных последствий. Одним из них стала тенденция, в соответствии с которой любую активность, если в ней обнаруживался хоть какой-то компонент научения, стали считать неинстинктивной и наоборот, любую активность, в которой проявлялся хоть какой-то компонент наследственности – инстинктивной. Но как мы уже знаем, в

большинстве, если не во всех человеческих характеристиках с легкостью обнаруживаются и те, и другие детерминанты, а значит и сам спор между сторонниками теории инстинктов и сторонниками теории научения чем дальше, тем больше начинает напоминать спор между партией остроконечников и тупоконечников.

Инстинктивизм и анти-инстинктивизм – две стороны одной медали, две крайности, два противоположных конца дихотомии. Я уверен, что мы, зная об этой дихотомии, сумеем избежать ее.

Научной парадигмой теоретиков-инстинктивистов были животные инстинкты, и это стало причиной очень многих ошибок, в том числе их неспособности разглядеть уникальные, чисто человеческие инстинкты. Однако самым большим заблуждением, закономерно вытекающим из изучения животных инстинктов, явилась, пожалуй, аксиома об особой мощности, о неизменности, неуправляемости и неподконтрольности инстинктов. Но аксиома эта, справедливая разве что применительно к червям, лягушкам и леммингам, явно непригодна для объяснения человеческого поведения.

Даже признавая, что базовые потребности имеют определенную наследственную базу, мы можем наделать кучу ошибок, если будем определять меру инстинктивности на глазок, если будем считать инстинктивными только те поведенческие акты, только те характеристики и потребности, которые не имеют явной связи с факторами внешней среды или отличаются особой мощностью, явно превышающей силу внешних детерминант. Почему бы нам не допустить, что существуют такие потребности, которые, несмотря на свою инстинктоидную природу, легко поддаются репрессии, которые могут быть сдержаны, подавлены, модифицированы, замаскированы привычками, культурными нормами, чувством вины и т.п. (как это, по-видимому, происходит с потребностью в любви)? Словом, почему бы нам не допустить возможность существования слабых инстинктов?

Именно эта ошибка, именно такое отождествление инстинкта с чем-то мощным и неизменным, скорее всего, и стало причиной резких нападок культуралистов на теорию инстинктов. Мы понимаем, что никакой этнолог не сможет даже на время отвлечься от идеи о неповторимом своеобразии каждого народа, и потому с гневом отвергнет наше предположение и присоединится к мнению наших оппонентов. Но если бы все мы с надлежащим уважением относились и к культурному, и к биологическому наследию человека (как это делает автор данной книги), если бы мы рассматривали культуру просто как более мощную силу по сравнению с инстинктоидными потребностями (как это делает автор данной книги), то мы бы уже давно не видели ничего парадоксального в утверждении о том, что наши слабые, хрупкие инстинктоидные потребности нуждаются в защите от более устойчивых и более мощных культурных влияний. Попытаюсь быть еще более парадоксальным – по моему мнению, в каком-то смысле инстинктоидные потребности в каком-то смысле сильнее тех же культурных влияний, потому что они постоянно напоминают о себе, требуют удовлетворения, и потому что их фрустрация приводит к пагубным патологическим последствиям. Вот почему я утверждаю, что они нуждаются в защите и покровительстве.

Чтобы стало совсем понятно, выдвину еще одно парадоксальное заявление. Я думаю, что вскрывающая психотерапия, глубинная терапия и инсайт-терапия, которые объединяют в себе практически все известные методы терапии, кроме гипноза и поведенческой терапии, имеют одну общую черту, они обнажают, восстанавливают и укрепляют наши ослабленные, утраченные инстинктоидные потребности и тенденции, наше задавленное, задвинутое в дальний угол животное Я, нашу субъективную биологию. В самом очевидном виде, самым конкретным образом такую цель ставят только организаторы так называемых семинаров личностного роста. Эти семинары – одновременно психотерапевтические и образовательные – требуют от участников чрезвычайно больших трат личностной энергии, полной самоотдачи, невероятных усилий, терпения, мужества, они очень болезненны, они могут длиться всю жизнь и все равно не достичь поставленной цели. Нужно ли учить собаку, кошку или птицу как быть собакой, кошкой или птицей? Ответ очевиден. Их животные импульсы заявляют о себе громко, внятно и распознаются безошибочно, тогда как импульсы человека чрезвычайно слабы, неотчетливы, спутаны, мы не слышим, что они шепчут нам, и поэтому должны учиться слушать и слышать их,

Неудивительно, что спонтанность, естественность поведения, свойственную представителям животного мира, мы чаще замечаем за самоактуализирующимися людьми и реже – за невротиками и не очень здоровыми людьми. Я готов заявить, что сама болезнь – это ничто иное, как утрата животного начала. Четкое отождествление со своей биологией, "животность" парадоксальным образом приближают человека к большей духовности, к большему здоровью, к большему благоразумию, к большей (организмической) рациональности.

Сосредоточенность на изучении животных инстинктов повлекла за собой еще одну, возможно, еще более страшную ошибку. По неким непонятным, загадочным для меня причинам, объяснить которые смогли бы, наверное, только историки, в западной цивилизации утвердилось представление о том, что животное начало – это дурное начало, что наши примитивные импульсы – это эгоистичные, корыстные, враждебные, дурные импульсы.²²

Теологи называют это первородным грехом или голосом дьявола. Фрейдисты называют это импульсами Ид, философы, экономисты, педагоги придумывают свои названия. Дарвин был настолько убежден в дурной природе инстинктов, что основным фактором эволюции животного мира счел борьбу, соревнование, и совершенно не заметил проявлений сотрудничества, кооперации, которые, однако, легко сумел разглядеть Кропоткин.

Именно такой взгляд на вещи заставляет нас отождествлять животное начало человека с хищными, злобными животными, такими как волки, тигры, кабаны, стервятники, змеи. Казалось бы, почему нам не приходят на ум более симпатичные звери, например, олени, слоны, собаки, шимпанзе? Очевидно, что вышеупомянутая тенденция самым непосредственным образом связана с тем, что животное начало понимается как плохое, жадное, хищное. Если уж так необходимо было найти подобие человеку в животном мире, то почему бы не выбрать для этого животное, действительно похожее на

человека, например, человекообразную обезьяну? Я утверждаю, что обезьяна как таковая, в общем-то, гораздо более милое и приятное животное, чем волк, гиена или червь, к тому же она обладает многими из тех качеств, что мы традиционно относим к добродетелям. С точки зрения сравнительной психологии мы, право же, больше похожи на обезьяну, чем на какого-нибудь гада, а потому я ни за что не соглашусь с тем, что животное начало человека – злобное, хищное, дурное (306).

К вопросу о неизменности или немодифицируемости наследственных черт нужно сказать следующее. Даже если допустить, что существуют такие человеческие черты, которые детерминированы одной лишь наследственностью, только генами, то и они подвержены изменениям и, может быть даже, легче, чем любые другие. Такая болезнь как рак в значительной степени обусловлена наследственными факторами, и все-таки ученые не оставляют попыток искать способы профилактики и лечения этой страшной болезни. То же самое, можно сказать об интеллекте, или IQ. Нет сомнений, что в известной степени интеллект определяется наследственностью, но никто не возьмется оспаривать тот факт, что его можно развить при помощи образовательных и психотерапевтических процедур.

Мы должны допустить возможность большей вариативности в области инстинктов, чем допускают это теоретики-инстинктивисты. Очевидно, что потребность в познании и понимании обнаруживается далеко не у всех людей. У умных людей она выступает как насущная потребность, тогда как у слабоумных она представлена лишь в рудиментарном виде или отсутствует вовсе. Так же обстоит дело и с материнским инстинктом. Исследования Леви (263) выявили очень большую вариативность в выраженности материнского инстинкта, настолько большую, что можно заявить, что некоторые женщины вообще не имеют материнского инстинкта. Специфические таланты или способности, которые, по-видимому, обусловлены генетически, например, музыкальные, математические, художественные способности (411), обнаруживаются у очень немногих людей.

В отличие от животных инстинктов, инстинктоидные импульсы могут исчезнуть, атрофироваться. Так, например, у психопата нет потребности в любви, потребности любить и быть любимым. Утрата этой потребности, как мы теперь знаем, перманентна, невосполнима; психопатия не поддается лечению, во всяком случае, с помощью тех психотерапевтических техник, которыми мы располагаем в настоящее время. Можно привести и другие примеры. Исследование эффектов безработицы, проведенное в одной из австрийских деревень (119), как и ряд других аналогичных этому исследований, показало, что продолжительная безработица оказывает не просто деморализующее, а даже разрушительное воздействие на человека, так как угнетает некоторые из его потребностей. Будучи однажды угнетенными, эти потребности могут угаснуть навсегда, они не пробудятся вновь даже в случае улучшения внешних условий. Аналогичные этим данные получены при наблюдениях за бывшими узниками нацистских концлагерей. Можно вспомнить также наблюдения Бэйтсона и Мид (34), изучавших культуру балинезийцев. Взрослого балинезийца нельзя назвать "любящим" в нашем, западном, понимании этого слова, и он, по всей видимости, вообще не испытывает потребности в любви. Балинезийские младенцы и дети реагируют на недостаток любви

бурным, безутешным плачем (этот плач запечатлела кинокамера исследователей), а значит, мы можем предположить, что отсутствие "любовных импульсов" у взрослого балинезийца – это приобретенная черта.

Я уже говорил, что по мере восхождения по филогенетической лестнице мы обнаруживаем, что инстинкты и способность к адаптации, способность гибко реагировать на изменения в окружающей среде начинают выступать как взаимоисключающие явления. Чем более выражена способность к адаптации, тем менее отчетливы инстинкты. Именно эта закономерность стала причиной очень серьезного и даже трагического (с точки зрения исторических последствий) заблуждения – заблуждения, корни которого уходят в древность, а суть сводится к противопоставлению импульсивного начала рациональному. Мало кому приходит в голову мысль, что оба этих начала, обе эти тенденции инстинктивны по своей природе, что они не антагонистичны, но синергичны друг другу, что они устремляют развитие организма в одном и том же направлении.

Я убежден, что наша потребность в познании и понимании может быть столь же конативной, как и наша потребность в любви и принадлежности.

В основе традиционной дихотомии "инстинкт-разум" лежат неверное определение инстинкта и неверное определение разума – определения, при которых одно определяется как противоположное другому. Но если мы переопределим эти понятия в соответствии с тем, что нам известно на сегодняшний день, то мы обнаружим, что они не только не противоположны друг другу, но и не так уж сильно отличаются одно от другого. Здоровый разум и здоровый импульс устремлены к одной и той же цели; у здорового человека они ни в коем случае не противоречат друг другу (но у больного они могут быть противоположны, оппозиционны друг другу). Имеющиеся в нашем распоряжении научные данные указывают на то, что для психического здоровья ребенка необходимо, чтобы он чувствовал себя защищенным, принятым, любимым и уважаемым. Но ведь как раз этого и желает (инстинктивно) ребенок. Именно в этом смысле, чувственно и научно доказуемо, мы заявляем, что инстинктоидные потребности и рациональность, разум синергичны, а не антагонистичны друг другу. Их кажущийся антагонизм не более чем артефакт, и причина тому кроется в том, что предметом нашего изучения служат, как правило, больные люди. Если наша гипотеза подтвердится, то мы сможем, наконец, решить извечную проблему человечества, и вопросы вроде: "Чем должен руководствоваться человек – инстинктом или разумом?" или: "Кто главный в семье – муж или жена?" отпадут сами собой, утратят свою актуальность ввиду очевидной смехотворности.

Пастор (372) со всей убедительностью продемонстрировал нам, особенно своим глубоким анализом теорий Мак-Дугалла и Торндайка (я бы добавил сюда и теорию Юнга и, может быть, теорию Фрейда), что теория инстинктов вызвала к жизни множество консервативных и даже антидемократических по своей сути социальных, экономических и политических последствий, обусловленных отождествлением наследственности с судьбой, с безжалостным, неумолимым роком.

Но это отождествление ошибочно. Слабый инстинкт может обнаружиться, выразиться и получить удовлетворение только в том случае, если условия, предопределяемые культурой, благоприятствуют ему; плохие же условия подавляют, разрушают инстинкт. Например, в нашем обществе пока невозможно удовлетворение слабых наследственных потребностей, из чего можно сделать вывод, что условия эти требуют существенного улучшения.

Однако взаимосвязь, обнаруженную Пастором (372), ни в коем случае нельзя считать ни закономерной, ни неизбежной; на основании этой корреляции мы можем лишь еще раз заявить, что для оценки социальных явлений нужно обращать внимание не на один, а по меньшей мере на два континуума явлений. Противопоставление, выраженное континуумом "либерализм-консерватизм", уже уступает место таким парам континуальных антагонизмов как "социализм-капитализм" и "демократизм-авторитаризм", и эту тенденцию мы можем проследить даже на примере науки. Например, сегодня можно говорить о существовании таких подходов к изучению общества и человека, как экзогенно-авторитарно-социалистический, или экзогенно-социал-демократический, или экзогенно-демократически-капиталистический и т.д.

В любом случае, если мы сочтем, что антагонизм между человеком и обществом, между личным и общественным интересом закономерен, неизбежен и непреодолим, то это будет уход от решения проблемы, неправомерная попытка игнорировать само ее существование. Единственным разумным оправданием такой точки зрения можно считать тот факт, что в больном обществе и в больном организме этот антагонизм действительно имеет место. Но даже в этом случае он не неизбежен, как это блестяще доказала Рут Бенедикт (40, 291, 312). А в хорошем обществе, по крайней мере в тех обществах, которые описала Бенедикт, этот антагонизм невозможен. При нормальных, здоровых социальных условиях личный и общественный интерес ни в коем случае не противоречат один другому, напротив, они совпадают друг с другом, синергичны друг другу. Причина живучести этого ложного представления о дихотомичности личного и общественного заключается только в том, что предмет нашего изучения до сих пор были в основном больные люди и люди, живущие в плохих социальных условиях. Естественно, что у таких людей, у людей, живущих в таких условиях, мы неизбежно обнаруживаем противоречие между личными и общественными интересами, и беда наша в том, что мы трактуем его как естественное, как биологически запрограммированное.

Одним из недостатков теории инстинктов, как и большинства других теорий мотивации, была ее неспособность обнаружить динамическую взаимосвязь и иерархическую систему, объединяющую человеческие инстинкты, или инстинктивные импульсы. До тех пор, пока мы будем рассматривать импульсы как самостоятельные, независимые друг от друга образования, мы не сможем приблизиться к решению множества насущных проблем, будем постоянно вращаться в заколдованном кругу псевдопроблем. В частности, такой подход не позволяет нам отнестись к мотивационной жизни человека как к целостному, унитарному явлению, обрекает нас на составление всевозможных списков и перечней мотивов. Наш же подход вооружает исследователя принципом ценностного выбора, единственно надежным принципом, позволяющим рассматривать

одну потребность как более высокую по сравнению с другой или как более важную или даже более базовую по отношению к другой. Атомистический подход к мотивационной жизни, напротив, неизбежно провоцирует нас на рассуждения об инстинкте смерти, о стремлении к Нирване, к вечному покою, к гомеостазу, к равновесию, ибо единственное, на что способна потребность сама по себе, если ее рассматривать в отрыве от других потребностей, – это требовать своего удовлетворения, то есть собственного уничтожения.

Но для нас совершенно очевидно, что, удовлетворив потребность, человек не обретает умиротворения и тем более счастья, потому что место утоленной потребности тут же занимает другая потребность, до поры не ощущавшаяся, слабая и забытая. Теперь она наконец-то может заявить о своих претензиях во весь голос. Нет конца человеческим желаниям. Бессмысленно мечтать об абсолютном, полном удовлетворении.

От тезиса о изменности инстинкта недалеко до предположения о том, что самой богатой инстинктивной жизнью живут душевнобольные, невротики, преступники, слабоумные и отчаявшиеся люди. Это предположение закономерно вытекает из доктрины, согласно которой сознание, разум, совесть и мораль – явления внешние, наружные, показные, не свойственные человеческой природе, навязанные человеку в процессе "окультуривания", необходимые как сдерживающий фактор его глубинной природы, необходимые в том же смысле как необходимы кандалы закоренелому преступнику. В конце концов, в полном соответствии с этой ложной концепцией формулируется роль цивилизации и всех ее институтов – школы, церкви, суда и органов правопорядка, призванных ограничить изменчивую, разнузданную природу инстинктов.

Эта ошибка настолько серьезна, настолько трагична, что мы можем поставить ее на одну доску с такими заблуждениями, как вера в богоизбранность верховной власти, как слепая убежденность в исключительной правоте той или иной религии, как отрицание эволюции и святая вера в то, что земля – это блин, лежащий на трех китах. Все прошлые и настоящие войны, все проявления расового антагонизма и религиозной нетерпимости, о которых нам сообщает пресса, имеют в своей основе ту или иную доктрину, религиозную или философскую, внушающую человеку неверие в себя и в других людей, унижающую природу человека и его возможности.

Любопытно, но подобного ошибочного взгляда на человеческую природу придерживаются не только инстинктивисты, но и их оппоненты. Все те оптимисты, которые уповают на лучшее будущее человека – средовики, гуманисты, унитарии, либералы, радикалы, – все с ужасом отрешиваются от теории инстинктов, ошибочно полагая, что именно она обрекает человечество на иррациональность, войны, антагонизм и закон джунглей.

Инстинктивисты, упорствуя в своем заблуждении, не желают отказываться от принципа роковой неизбежности. Большая часть из них давно утратила всякий оптимизм, хотя есть и такие, которые активно исповедуют пессимистический взгляд на будущее человечества.

Здесь можно провести аналогию с алкоголизмом. Одни люди скатываются в эту бездну стремительно, другие – медленно и постепенно, но результат один и тот же. Неудивительно, что Фрейда часто ставят в один ряд с Гитлером, ибо их позиции во многом схожи, и нет ничего странного в том, что такие замечательные люди как Торндайк и Мак-Даггалл, руководствуясь логикой низменной инстинктивности, пришли к антидемократическим выводам гамильтоновского толка.

А ведь на самом деле, достаточно лишь перестать считать инстинктоидные потребности заведомо низменными или дурными, достаточно согласиться хотя бы с тем, что они нейтральные или даже хорошие, и тут же сотни псевдопроблем, над решением которых мы безуспешно ломаем головы уже много лет, отпадут сами собой.

Если мы примем эту концепцию, то в корне изменится и наше отношение к научению, возможно даже, что мы откажемся от самого понятия "научение", которое непристойно сближает процессы воспитания и дрессировки. Каждый шаг, приближающий нас к согласию с нашей наследственностью, с нашими инстинктоидными потребностями, будет означать признание необходимости удовлетворения этих потребностей, будет снижать вероятность фрустрации.

Ребенок в меру депривированный, то есть еще не до конца окультуренный, еще не расставшийся со своим здоровым животным началом, без усталости стремится к восхищению, безопасности, автономии и любви, и делает это, конечно же, по-своему, по-детски. Чем мы встречаем его усилия? Умудренный опытом взрослый человек, как правило, реагирует на детские выходки словами: "Да он рисуется!" или: "Он просто хочет привлечь к себе внимание!", и эти слова, этот диагноз автоматически означают отказ во внимании и участии, повеление не давать ребенку того, чего он ищет, не замечать его, не восхищаться им, не аплодировать ему.

Однако, если мы научимся считаться с этими детскими призывами к любви, восхищению и обожанию, если мы научимся относиться к этим мольбам как к законным требованиям, как к проявлениям естественного права человека, если мы будем реагировать на них с тем же участием, с каким относимся к его жалобам на голод, жажду, боль или холод, то мы перестанем обрекать его на фрустрацию, станем для него источником удовлетворения этих потребностей. Такой воспитательный режим повлечет за собой одно-единственное, но очень важное последствие – отношения между родителем и ребенком станут более естественными, спонтанными, веселыми, в них будет больше приязни и любви.

Не подумайте, что я ратую за тотальную, абсолютную вседозволенность. Прессинг инкультурации, то есть воспитания, дисциплины, формирования социальных навыков, подготовки к будущей взрослой жизни, осознания потребностей и желаний других людей, в какой-то степени, разумеется, необходим, но процесс воспитания перестанет раздражать нас и ребенка только тогда, когда его будет окружать атмосфера приязни, любви и уважения друг к другу. И уж, конечно, не может быть и речи ни о каком потакании невротическим потребностям, дурным привычкам, наркотической зависимости, фиксациям, потребности в знакомом или любом другим неинстинктоидным

потребностям. И наконец, нельзя забывать о том, что кратковременная фрустрация, жизненный опыт, даже трагедии и несчастья могут иметь благоприятные и целительные последствия.

КОНЦЕПЦИЯ ИНСТИНКТОИДНОСТИ БАЗОВЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ

Все вышеизложенные соображения позволяют мне выдвинуть гипотезу о том, что базовые потребности по своей природе (в определенном смысле и в определенной степени) конституциональны, или наследственны. Я прекрасно понимаю, что такого рода гипотеза сегодня не может быть подкреплена убедительной аргументацией хотя бы потому, что пока еще не разработаны соответствующие генетические и неврологические техники исследования потребностей. Если же мы попытаемся произвести анализ на другом уровне, например, на поведенческом, семейном, социальном, этнологическом, то наверняка получим такие результаты, которые вряд ли смогут послужить подтверждением нашей гипотезе, за исключением тех редких случаев, когда роль конституции, наследственности очевидна и несомненна.

Здесь мы представим те немногие из имеющихся в нашем распоряжении эмпирических и теоретических данных, которые можно рассматривать как косвенное подтверждение данной гипотезы. Советую также обратиться к (298).

Главной причиной, побудившей нас выдвинуть новую гипотезу, стало неприятие всех прежних теорий мотивации. Бихевиористы и приверженцы теории среды с позором изгнали теорию инстинктов из научного обихода, в результате чего поведение и мотивация оказались сведены к простому ассоциативному научению.

Я не погрешу против справедливости, если скажу, что нынешняя психология совершенно не учитывает динамику внутренней жизни, игнорирует проблему ценностей и высших целей, проблемы базовых потребностей и их удовлетворения/фрустрации, а, следовательно, ничем не может обогатить концепцию здоровья, психопатологии и психотерапии.

Для того, чтобы доказать этот тезис, нет нужды прибегать к пространным рассуждениям, достаточно сказать, что клинические психологи, психиатры, психоаналитики, психотерапевты, социальные работники почти не используют в своей работе теорию бихевиоризма. Они упрямо продолжают свой практический поиск, и в результате мы имеем обширную, но очень шаткую структуру клинических данных, ибо эта структура не имеет под собой крепкого фундамента теории. Клиницисты все же скорее практики, чем теоретики. Но если они пытаются опереться на какую-то теорию, то избирают некую неоформленную разновидность динамической теории, в которой фундаментальная роль отводится инстинктам, то есть некую осовремененную модификацию фрейдовской теории.

Те из психологов, которые не работают в клинике, в большинстве своем признают

инстинктоидную природу только за физиологическими позывами, такими как голод, жажда и др.; опираясь на пресловутый механизм обусловливания, они считают все остальные, более высокие потребности усвоенными, приобретенными.

По их мнению, ребенок научается любить своих родителей только потому, что те кормят, купают и одевают его. Любовь, в такой интерпретации, становится побочным продуктом удовлетворения физиологической потребности, предметом некоего бартерного соглашения, объектом купли-продажи.

Мне не приходилось слышать ни об одном эксперименте, который подтвердил бы обоснованность такой точки зрения на потребности в любви, в безопасности, в принадлежности, в уважении, в понимании и т.д.; она принимается априорно, как данность, не требующая доказательств. Ее живучесть я могу объяснить только тем, что никто до сих пор не удосужился проверить ее справедливость.

Впрочем, результаты экспериментов с обусловливанием не только не подтверждают, но и напротив, косвенно опровергают эту точку зрения: они показывают, что вышеназванные потребности проявляют себя скорее в роли безусловных реакций, на основании которых затем выстраиваются условные реакции. При оперантном обусловливании, которое основано исключительно на "внутренних подкреплениях", эта инстинктоидность принимается просто как нечто само собой разумеющееся, и все это называется теорией научения.

Кстати, эта теория постоянно вступает в противоречие с нашим повседневным, житейским опытом, ибо оставляет очень многие вопросы без ответов. Отчего мать так жаждет ухаживать за своим ребенком, с такой щедростью осыпает его "вознаграждениями"? В чем здесь ее выгода? Почему беременная женщина согласна терпеть токсикоз и родовые муки, почему эта боль желанна для нее? Если мы рассуждаем о сделках и соглашениях, если во главе всего мы ставим принцип *qui pro quo*, то стоят ли эти соглашения таких хлопот? Что имеют в виду детские врачи, когда говорят, что ребенку мало только пищи, только тепла и сухих пеленок, что ему необходима любовь? Почему они так настойчивы, почему у нас складывается впечатление, что любовь выше и важнее всех этих "вознаграждений"? Может быть, они преувеличивают? Какую мать ребенок будет любить больше – ту, которая его хорошо кормит и одевает, но не любит, или же ту, которая плохо кормит и одевает, но любит его?

Масса вопросов не дают нам покоя. Что такое вознаграждение – пусть даже физиологическое? Видимо, мы должны понимать, что речь идет именно о физиологическом удовольствии, ведь нас настойчиво пытаются убедить в том, что все другие удовольствия вырастают из физиологических. Что нужно для того, чтобы удовлетворить потребность ребенка в безопасности? Не подвергать его грубому обращению, не ронять на пол, не хлопать в ладоши над ухом и не строить страшных гримас? Казалось бы, что еще нужно ребенку? Но тогда почему он с такой радостью, с таким удовольствием откликается на улыбку и ласковое воркование матери, почему так жаждет ее поцелуев, ее теплых объятий, почему просится к ней на руки? Что значит

удовольствие, что значит "вознаграждение" для матери, когда она дарит ребенку свое тепло и ласку, когда кормит и жертвует своими удобствами ради его интересов и нужд?

Данные исследований, проводившихся в последнее время, убеждают нас в том, что не только само вознаграждение, но и способ вознаграждения выступает в роли фактора поощрения, подкрепления. Что это значит для концепции вознаграждения? Можем ли мы сказать, например, что регулярность кормления поощряет голод? Какую из потребностей поощряет попустительский стиль воспитания? Или уважительное отношение к нуждам ребенка? Если мы будем отнимать ребенка от груди и сажать его на горшок не тогда, когда этого хочется нам, а тогда, когда этого хочется ему, – какую из его потребностей мы подкрепим? Почему у воспитанников детских домов и у приемных детей, несмотря на хороший уход, то есть, несмотря на хорошее физиологическое вознаграждение, так часто обнаруживаются психопатологические симптомы (158)? Если любовный голод в конечном итоге – лишь разновидность физического голода или его последствие; если и то, и другое мы готовы назвать голодом, то почему плотный обед не спасает нас от любовного голода?

Концепция канализирования потребностей, выдвинутая Мерфи (350), по моему мнению, способна ответить на многие из этих вопросов. Мерфи пишет, что между безусловным и любым другим стимулом может возникнуть условная связь. Мерфи называет эту связь условной отчасти и потому, что этот случайный стимул служит всего лишь сигналом, сам по себе он не может обеспечить удовлетворение потребности. Если говорить о физиологических позывах, таких как голод, то совершенно очевидно, что индивидуум не может довольствоваться сигналом – только истинный удовлетворитель может утолить его позыв. Только пища может утолить голод. В обыденной жизни сигнальное научение происходит постоянно, оно полезно для индивидуума ровно в той мере, в какой полезен звонок перед обедом. Гораздо более важным типом научения выступает канализирование. Канализирование – это не только установление ассоциативной связи между двумя стимулами, одновременно с этим идет процесс познания того, какие объекты могут удовлетворить ту или иную потребность, а какие – не могут, какие удовлетворяют ее лучше, а какие – хуже; человек научается предпочитать.

Очень важным мне кажется замечание автора о том, что здоровое удовлетворение потребностей в любви, в уважении, в понимании и т.п. возможно только посредством канализирования, то есть с помощью истинного, внутренне соответствующего удовлетворителя. Если мы сталкиваемся с удовлетворением потребности при помощи случайных, ассоциативных удовлетворителей, как это бывает, например, при фетишизме, то, скорее всего, мы имеем дело с неврозом или с невротической потребностью.

Не менее важными мне представляются эксперименты Харлоу и его коллег, осуществленные в Лаборатории приматов штата Висконсин (175-178). В одном из экспериментов, теперь уже широко известном, исследователи отлучали новорожденных обезьян-шимпанзе от их матерей и помещали их в клетку к суррогатным матерям – к манекенам, имитирующим взрослую обезьяну. При этом одни манекены были сделаны из металлической проволоки и на них была пристроена бутылочка с молоком, а каркас

других манекенов был задрапирован ворсистой тканью и бутылочек с молоком на них не было. Все детеныши отдали предпочтение мохнатым манекенам, они жались к тряпичной мамаше и карабкались по ней большую часть времени, вспоминая о существовании проволочной кормилицы только на время еды. Детеныши обезьян не были ограничены в еде, но были лишены материнской ласки. Став взрослыми, они отличались от обычных обезьян, в частности, у них был полностью атрофирован материнский инстинкт. По-видимому, пища и кров – далеко не достаточные условия для нормального развития, даже у обезьян.

Принятые ныне биологические критерии инстинкта оказываются почти бесполезными, когда мы приступаем к рассмотрению человеческих инстинктов, и не только из-за того, что мы имеем в своем распоряжении недостаточно эмпирических данных, но и потому, что сами эти критерии вызывают сомнения. Советую обратиться к работам Хоуэлла (201, 202), которые открывают новую возможность для преодоления этой трудности.

Как уже говорилось выше, серьезной ошибкой ранних инстинктивистов было слишком пристальное внимание к животному происхождению человека и недооценка глубинных отличий, отделяющих человека от животного мира. Теперь мы в состоянии выявить в работах инстинктивистов одну характерную тенденцию, которая еще совсем недавно казалась всем естественной и бесспорной. Я говорю о тенденции универсально-биологического определения инстинкта, о стремлении создать такое определение, которое охватывало бы все инстинкты у всех животных. В соответствии с подобной предпосылкой, если ученый не находил у животных аналога какого-либо импульса или побуждения, обнаруженного у человека, то он относил такой импульс *ipso facto* к разряду неинстинктивных. Разумеется, всякий импульс, всякая потребность, проявляющиеся как у человека, так и у животных, например, потребность в пище, в кислороде, могут быть отнесены к разряду инстинктивных в силу своей универсальности. Но это, однако, не опровергает возможности существования специфических инстинктоидных импульсов и потребностей, присущих только человеку, таких, например, как потребность в любви, которая не свойственна ни одному из представителей животного мира, кроме шимпанзе и человека. Почтовые голуби, черви, кошки – каждый вид имеет свои уникальные инстинкты. Почему же мы отказываем в такой возможности человеку?

Принято считать, что по мере восхождения по филогенетической шкале от низших видов к высшим, инстинкты один за другим исчезают и их место занимают приспособительные реакции, основанные на возросшей способности к обучению, мышлению и коммуникации. Если определять инстинкт, опираясь на наблюдения за низшими животными, если рассматривать его как сложную совокупность, образуемую врожденным позывом, способностью к восприятию этого позыва, инструментальным поведением, инструментальными навыками и наличием объекта-цели (а возможно, и аффективным аккомпанементом – если, конечно, нам удастся разработать мало-мальски объективную технику его регистрации), то подобная точка зрения будет вполне обоснована. При таком определении инстинкта мы обнаружим, что у белых крыс со всей отчетливостью проявляются половой, материнский и пищевой инстинкты (в числе других), тогда как у обезьян в чистом виде обнаруживается один лишь

материнский инстинкт. Пищевой инстинкт у них модифицирован, а от полового инстинкта остался только инстинктивный позыв. Обезьяна вынуждена учиться выбору сексуального партнера и эффективному исполнению полового акта (304). У человека не обнаруживается уже ни одного из этих (и других) инстинктов. Он сохранил лишь сексуальный и пищевой позывы и, возможно, материнский позыв (263), но очень слабо выраженный, а инструментальное поведение, навыки, селективность восприятия и объект-цель приобретаются им только в процессе научения (главным образом посредством канализирования потребностей). Человек не обладает инстинктами, у него обнаруживаются только рудиментарные остатки или следы инстинктов.

Особую важность имеет культуральный критерий инстинкта, суть которого сводится к вопросу: "Является ли данная конкретная реакция независимой от культуры?", но, к сожалению, наше знание о нем пока не подкреплено однозначными эмпирическими данными. Лично я, например, склонен считать, что данные экспериментов в целом подтверждают мою теорию или, по меньшей мере, не противоречат ей. Однако справедливости ради следует отметить, что другие исследователи, анализируя эти же данные, могут прийти к совершенно иным выводам.

Поскольку мой полевой опыт ограничивается весьма непродолжительным пребыванием в одной из индейских резерваций, а проблема, которую мы пытаемся поднять, требует скорее этнологических, нежели психологических, исследований, то я не буду углубляться в нее.

Выше я уже пытался привести аргументы в защиту своей точки зрения о том, что базовые потребности по природе своей инстинктоидны. Фрустрация базовых потребностей приводит к психопатологии, с этим соглашаются все клиницисты. (Другое дело – невротические потребности, привычки, зависимости, потребность в знакомом, инструментальные потребности; их фрустрация не вызывает патологии.) То же самое можно сказать, но в очень узком, специфическом смысле, о потребности в завершении, потребности в стимуляции и потребности в самовыражении, самоосуществлению. (По крайней мере, этот ряд потребностей можно дифференцировать на операциональной или прагматической основе; необходимость такой дифференциации продиктована многими соображениями, как теоретического, так и практического характера.)

Если все ценности созданы и насаждаются обществом, культурой, то почему поправление одних ценностей приводит к психопатологии, а поправление других – нет? Мы научаемся есть три раза в день, пользоваться вилок и ножом, правильно сидеть за столом, говорить "спасибо" после еды. Мы выходим на улицу одетыми и обутыми, спим на чистом белье, изъясняемся не жестами и ужимками, а словами. Мы едим говядину и свинину, но не едим кошек или собак. Мы умываемся, принимаем душ, стремимся получить хорошую оценку на экзамене, стремимся к тому, чтобы зарабатывать много денег. Однако фрустрация любой из этих привычек, как правило, не становится источником непреодолимого страдания, а иногда может даже пойти на пользу человеку. В определенных ситуациях, например, в условиях туристического похода, мы с удовольствием и облегчением отказываемся от них, осознавая их внешний характер. Но человек не может отказаться от потребности в любви, в безопасности, в уважении, не

может отбросить эти ценности как лишние, несущественные.

Похоже, что мы вправе предположить за базовыми потребностями особый психологический и биологический статус. Есть нечто, что отличает их от привычек и повседневных человеческих желаний. Они должны быть удовлетворены, иначе человек заболевает.

Удовлетворение базовых потребностей вызывает последствия, которые можно назвать хорошими, желательными, здоровыми. Я использую здесь термины "хороший" и "желательный" скорее в биологическом смысле, нежели в их априорном звучании, я могу предложить даже операциональное определение этих понятий. Когда я говорю о хороших, желательных последствиях, я имею в виду те последствия, которые полезны для организма, к которым стремится любой здоровый организм, те, которые он выбирает.

Эти соматические и психологические последствия были рассмотрены выше, в главе, посвященной базовому удовлетворению, и здесь я не буду подробно останавливаться на них. Можно внести лишь одно, очень существенное, уточнение. В предлагаемом мною критерии желанности нет ничего эзотерического или ненаучного, его несложно обосновать с помощью экспериментальных данных, ведь рассматриваемая проблема, в сущности, мало чем отличается от проблемы выбора бензина для автомобиля. Одна марка бензина лучше другой, автомобиль, заправленный лучшим бензином, будет работать лучше, эффективнее. Практически все клиницисты отмечают, что организм, ощущающий себя в безопасности, удовлетворяющий свои потребности в любви и уважении, работает лучше – эффективнее работает восприятие, он более эффективно использует свои способности, он чаще приходит к верным выводам, он лучше переваривает пищу, он менее подвержен болезням и т.д. и т.п.

Тот факт, что базовую потребность невозможно удовлетворить при помощи случайных, несоответствующих ей, неадекватных "удовлетворителей", заставляет нас рассматривать источники базового удовлетворения отдельно от всех иных удовлетворителей. Следуя своей природе, организм устремляется к этим уникальным источникам, он ощущает, что никакие иные, случайные удовлетворители не могут удовлетворить эту потребность, не смогут обмануть ее, в отличие от потребностей, обусловленных привычкой, или невротических потребностей. Именно этой обязательностью вызван тот факт, что в конечном итоге удовлетворение любой базовой потребности связано со своим специфическим удовлетворителем при помощи механизма канализирования, а не ассоциативными связями (350).

С этой точки зрения любопытно проанализировать эффекты, которые вызывает психотерапия. Мне представляется, что все основные психотерапевтические методы, по крайней мере, эффективные методы основной упор делают на укреплении и усилении базовых, инстинктоидных потребностей человека, одновременно стараясь ослабить или свести на нет так называемые невротические нужды.

Это наблюдение кажется особенно справедливым в отношении тех видов терапии,

которые декларируют принцип невмешательства в глубинную, сущностную природу человека, – в ряду таких терапевтов можно назвать Роджерса, Юнга, Хорни и др. Эти ученые предполагают за любым человеком внутреннюю, сугубо индивидуальную природу, их терапевтический принцип заключается не в том, чтобы творить личность пациента с нуля, *de novo*, а в стремлении высвободить ее, помочь ей раскрыться, подтолкнуть ее к росту и развитию. Если с помощью инсайта и снятия внутренних запретов пациент избавляется от некой реакции, то мы вполне резонно можем считать эту реакцию чужеродной, не свойственной организму. Если же инсайт наоборот усиливает, укрепляет эту реакцию, то мы можем рассматривать ее как сущностную, глубинную реакцию личности. Следуя логике Хорни (143), поставлю вопрос так: если мы помогаем пациенту избавиться от тревоги и обнаруживаем, что он стал более нежным и любящим, менее враждебным, то не свидетельствует ли это о том, что любовь более естественна для человека, чем ненависть и враждебность?

Психотерапевтическая практика – настоящая сокровищница данных для исследователя, задавшегося целью создать теорию мотивации, теорию самоактуализации, теорию ценностей, теории научения и познания (в самой широкой интерпретации этих понятий), теории развития и деградации. Нам остается только сожалеть о том, что эффекты психотерапии до сих пор не стали объектом целенаправленного научного изучения.

Данные предварительных клинических и теоретических исследований, посвященных проблеме самоактуализации, ясно указывают на особый статус базовых потребностей человека. Удовлетворение именно этих, а не каких-либо иных, потребностей служит условием здоровой, полноценной жизни (см. главу 11). Кроме того, как показывают наблюдения за самоактуализирующимися людьми, в большинстве своем эти люди принимают и приветствуют свое импульсивное начало, предпочитают ладить с ним, остерегаются игнорировать или подавлять его. Однако нам опять приходится с глубоким сожалением признать, что и эта проблема, как и проблема психотерапевтических эффектов, еще не исследована должным образом.

В антропологической науке, исповедовавшей принцип культурного релятивизма, первый ропот недовольства поднялся в стане исследователей-полевиков, которые довольно быстро поняли, что этот принцип подразумевает существование гораздо более глубоких различий между людьми разных культур, нежели наблюдали они, изучая представителей этих культур. Первым и самым важным уроком, вынесенным мною из моего достаточно кратковременного пребывания в резервации Черноногих индейцев, стало осознание того факта, что каждый индеец – это прежде всего человек, индивидуальность и только потом представитель племени Черноногих индейцев. Нельзя отрицать различий, разделяющих индейца и белого человека, но эти различия – ничто по сравнению с тем, что объединяет их. Индейцы, как и все остальные люди, знают, что такое гордость, они хотят нравиться, ищут уважения и признания, стремятся избежать тревоги. Конституциональные различия, известные нам на примере представителей нашей культуры, например, такие как разница в уровне интеллекта, активности, эмоциональности, обнаруживаются и между представителями всех других культур.

У меня складывается впечатление, что даже в тех случаях, когда мы наблюдаем "чисто"

культуральные поведенческие проявления, их зачастую можно трактовать как всеобщие, универсальные человеческие реакции, реакции, на которые способен любой человек, оказавшись он в аналогичной ситуации. Я говорю здесь о таких реакциях как, например, реакция на фрустрацию, тревогу, горе, победу, приближающуюся смерть и т.д.

Разумеется, впечатления, о которых я говорю, неотчетливы и приблизительны, я не могу подтвердить их цифрами и диаграммами, и потому их вряд ли можно назвать научными. Но собранные вместе, эти впечатления в совокупности с теми наблюдениями, фактами и предположениями, которые были представлены выше, и с теми гипотезами, о которых я скажу далее, среди которых гипотеза о слабости инстинктоидных потребностей, неожиданное наблюдение независимости, высокой степени личностной автономности самоактуализирующихся людей и их высокой сопротивляемости социальным влияниям, возможность отделения концепции здоровья от концепции болезни, – все это убеждает меня в необходимости переосмысления взаимосвязей, объединяющих личность и культуру. Наконец, это поможет нам осознать важную роль внутренней, интраорганизмической предопределенности, свойственной, по крайней мере, здоровой личности.

Понятно, что принявшись "творить" человека без учета его внутренней, организмической структуры, мы вряд ли услышим от него крики боли; ясно, что подобная лепка не вызовет мгновенные, очевидные патологические эффекты, вроде перелома костей. Однако, по мнению большинства клиницистов, патология в этом случае неизбежна. Если она сразу и не проявит себя, то затаится в скрытом виде, и в конце концов обязательно скажется, не раньше, так позже. Именно поэтому мне кажется оправданным и логичным искать причины невроза в раннем подавлении насущных (хотя и очень слабых) требований организма.

Неподчинение социальным нормам и требованиям, сопротивление, которое оказывает человек давлению культуры во имя сохранения собственной целостности и собственной внутренней природы, должно стать предметом самых тщательных психологических и социальных исследований. И тогда, возможно, мы обнаружим, что так называемый "адаптированный" человек, тот, который легко и охотно подчиняется разрушительным влияниям культуры, не менее болен, чем какой-нибудь правонарушитель, преступник или невротик, каждый из которых своими реакциями демонстрирует, что "есть еще порох в пороховницах", что у него еще достанет храбрости и нахальства, чтобы помешать обществу переломить его.

Из этого соображения вытекает другое, которое на первый взгляд может показаться странным, и даже нелепым парадоксом, ставящим все и вся с ног на голову. Образование, цивилизация, разум, религия, закон, правительство – большинство людей воспринимает эти институты как силы, направленные на обуздание инстинктивного начала человеческой природы, как сдерживающие, репрессивные силы. Но если принять нашу точку зрения, если согласиться с тем, что цивилизация более опасна для инстинктов, чем инстинкты для цивилизации, то нам, возможно, придется пересмотреть и это наше представление. В конце концов нам, может быть, придется согласиться с

тем, что образование, закон, религия и т.п. должны поступить в услужение базовым потребностям человека, должны оберегать, сохранять, укреплять и поощрять такие инстинктоидные человеческие потребности, как потребность в безопасности, в любви, в самоуважении и в самоактуализации.

Я убежден, что стоит нам принять изложенную выше точку зрения, как мы тут же преодолеем многие из традиционных философских дихотомий, такие как "биология-культура", "врожденное-приобретенное", "субъективное-объективное", "самобытное-всеобщее" и так далее, этот ряд можно продолжать до бесконечности. Моя убежденность зиждется еще и на том, что так называемые раскрывающие методы психотерапии, терапевтические техники, направленные на раскрытие и развитие "самости" человека, техники личностного роста подталкивают человека к обнаружению и обнажению своей объективной, биологической природы, своего животного начала, видовых характеристик, приближают его к познанию своей истинной Сущности.

Практически любой психотерапевт, к какой бы школе он ни принадлежал, столкнувшись с неврозом, ставит перед собой вполне конкретную задачу – обнаружить, выявить базовую, истинную, реальную сущность человека, обнажить и высвободить ядро его Я, сердцевину его личности, угнетенную тяжестью внешней болезни. С особой прямотой эту задачу сформулировала Хорни (199), заявив, что терапевт должен пробираться через "псевдо-Я" пациента к его "реальному Я". Понятие "самоактуализация" также содержит скрытый акцент на осуществление личностного Я, на воплощение в действительность единственно реальной, хотя и потенциальной, сущности человека. Поиск Себя – это, в общем-то, то же самое, что и "становление" человека, становление тем, кто ты есть. Я бы назвал этот процесс "дочеловечиванием", или индивидуализацией, или поиском подлинности (166).

Очевидно, что, как бы мы ни назвали этот процесс, главное в нем – осознание человеком того, что он есть на самом деле, осознание своей биологической, конституциональной природы, которая одновременно и уникальна, и универсальна, то есть присуща всем представителям рода человеческого. Именно к этому ведут своих пациентов все психоаналитики, сколь бы разными ни были их теоретические взгляды. Любой психоаналитик пытается помочь пациенту осознать его потребности, импульсы, эмоции, помогает пациенту понять, что ему нравится и что причиняет боль. Такое осознание по сути своей феноменологично, это феноменология собственного животного начала, раскрытие собственной биологии посредством ее познания и проживания – можно называть это субъективной биологией, интроспективной биологией, прочувствованной биологией или придумать какие-то другие названия.

Опять же, какие бы названия мы ни изобретали, суть останется неизменной, и заключается она в субъективизации объективного, то есть в субъективном познании объективного, в раскрытии специфических видовых характеристик человечности. Это индивидуальное познание общего и универсального, личное раскрытие безличного и надличного (и даже трансчеловеческого). Одним словом, инстинктоидная природа человека должна изучаться и субъективными, и объективными методами, и в процессе поиска себя, и традиционными методами наблюдения. Биология не может быть только

Абрахам Маслоу. Мотивация и личность. Глава 6.

Добавил(а) Социология
20.01.11 19:06 -

объективной наукой, в ней обязательно должен присутствовать субъективный компонент.

Перефразируя слова Мак-Лэйша, выражу свою мысль так:

Не ищи в человеке смысла.

Человек – он и есть человек.